

А. К. КАИРЖАНОВ

ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕРЕВОДА «ХРОНИКИ» ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА И «ИСТОРИИ ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ» ИОСИФА ФЛАВИЯ

В статье рассматриваются проблемы межъязыковой идиоматичности языка Я1 по отношению к языку Я2 в области фразеосочетаний.

Ключевые слова: межъязыковая идиоматичность, лингвосинергетика, диссипация, синергия, дистрибуция, концепт, перевод, среднегреческий и древнерусский языки.

В данной статье рассматривается степень типологической близости языка «Хроники» Георгия Амартола, «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и других переводных памятников древнерусской письменности (Я1) по отношению к прототипам среднегреческого языка (Я2) в области сочетаемости лексем, подвергшихся имплицитной и эксплицитной дистрибутивной предикации.

Сущность этого явления состоит в том, что об одном и том же событии, лице, группе лиц и т. п. сообщается дважды и более и сообщения эти оформляются сходными синтаксическими конструкциями. Это как бы две эквивалентные либо градуальные по содержанию мысли, два близких суждения об одном и том же предмете, лице и т. п. Результатом дистрибутивной предикации является дистрибутивная коммуникативная единица. Члены такой коммуникативной единицы, используя эксплицитную или имплицитную формы повторной передачи одной и той же идеи, определяющей инвариантным значением всей синтаксической конструкции, уточняют, объясняют, оттеняют либо усиливают значение фразеосочетания (ФС) в семантическом статусе Д1Д1, Д1Д2, Д2Д2, К1Д1, К1Д2, К1К1. В качестве основного метода используется аппарат Д/К [1]. В структуре аналогичных синтаксических конструкций происходит трансформация денотативного значения ФС типа Д1Д1 в коннотативное — К1К1 (подробнее см. [8]).

МЯИ «сводится собственно к тому, что та или иная лексема Я1 соответствует не одной, а нескольким лексемам Я2. Это означает, что лексема Я1 расчленяется на семемы относительно Я2 и данная межъязыковая полисемия может не совпадать с внутриязыковой. Степени внутриязыковой и межъязыковой идиоматичности чаще всего не совпадают: сочетание может быть совсем неидиоматичным или очень малоидиоматичным внутри данного языка и в то же время обладать резко выраженной идиоматичностью относительно другого языка» [10, с. 70; 6, с. 77—78]. С другой стороны, высокоидиоматичное внутри данного языка ФС может оказаться малоидиоматичным относительно другого языка [10, с. 71]. Так, ФС **отвратить лице** высокоидиоматично в Я1, ибо означает не физическое действие, 'отвернуть лице' (Д1Д1), а отказ от помощи (материальной и моральной — К1К1). Среднегреческий эквивалент этого ФС *αποστρέφειν το πρόσωπον* также высокоидиоматично — значение его не отличается от **отвратить лице**. Но ФС Я1 по отношению к ФС Я2 малоидиоматично, ибо во многих местах контекста указанная выше эквивалентность неизменна: не **отврати лица** своего от ништа (И. 1076, 418 [5]) — *μη αποστρέψης το πρόσωπον σου από πτώχου* (ibid., 791); ср. данное ФС из Псалтыри [14] в Я1 и Я2: не **отврати лица** твоего от мене // и не оуклони ся гневомъ отъ раба твоего (32) — *μη αποστρέψης το πρόσωπον σου απ' εμού // και μη εκκλίνης εν όργη απο του δούλου σου* (Ibid., 202).

ФС **омрачить лице** малоидиоматично в Я1, ибо означает 'ослепить ярким светом' (Д1Д1). Среднегреческий эквивалент этого ФС *αμαυρώω όφεις* высокоидиоматично, ибо не означает 'затемнять, делать неясным', а 'затмевать, помрачать' (ДРС, 92 [9]), последнее не является первым словарным значением в Я2. Но ФС Я1 по отношению к ФС Я2 высокоидиоматично, ибо в одном контексте отсутствует эквивалентность: некоторому светозарно бывшую облакоу на месте томъ, **омрачающъ** // и отвращающъ **лица** видящимъ. Амарт, 102, 3—5. — *τινα λοιπον φωτο ειδη, νεφέλην γεγενησθαι κατα τον... τόπον εκείνον αμαυρουσαν και αποτειχίζουσαν τας όψεις των ορώντων* (Б, 128, 1—3 [2]). В этом сопоставлении обнаруживаем, что исследуемые ФС Я1 являются калькой ФС Я2.

Итак, МЯИ — наличие специфического перевода хотя бы одного компонента Я2 на Я1. Степень МЯИ может быть различной — от близкой к нулевой до абсолютной. Так, близки к нулевой МЯИ все русские ФС с глаголом **братъ** и украинские ФС с глаголом **брати**. Абсолютная

идиоматичность у русского ФС **братъ ноту** по отношению к английскому языку, в котором оно переводится *to sing a note* ('петь ноту'). Также обладает абсолютной идиоматичностью русское сочетание лексем **братъ на душу** по отношению к казахскому языку, в котором оно переводится **оз мойына алу** [13].

При определении степени МЯИ следует различать явления интерпретации и собственно перевода (И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг [12]). При собственно переводе (эквивокабульном переводе) сохраняется первоначальная схема структурно-синтаксических отношений оригинала, при интерпретации же (неэквивокабульном переводе) схема структурно-синтаксических отношений оригинала разрушается, а сохраняется лишь инвариант смысла. При этом необходимо иметь в виду, что интерпретация есть не любое отклонение от схемы структурно-синтаксических отношений оригинала, а лишь не вытекающее неизбежно из правил корреспонденции [9, с. 3—19].

Строго отграничивая явления описания от собственно перевода, мы для определения степени МЯИ привлекаем лишь сочетания лексем, переданные на языке памятников древнерусской письменности при помощи собственно перевода («глагол + существительное»).

Изучая текст переводных памятников и сопоставляя его со среднегреческими текстами, мы пытаемся выявить творческую индивидуальность переводчиков Амарт, Иуд [1; 6] и других текстов, исследовать формы и способы передачи идиоматичности ФС в языке древнерусской письменности и среднегреческом языке, выявить степень идиоматичности в языке древнерусской письменности (внутреннюю) и древнеславянско-греческую МЯИ.

Исходя из вышеизложенных принципов, мы выделяем пять классов межъязыковой идиоматичности:

- 1) ФС малоидиоматичные внутри Я1, являющиеся малоидиоматичными относительно Я2;
- 2) ФС малоидиоматичные внутри Я1, являющиеся высокоидиоматичными относительно Я2;
- 3) ФС высокоидиоматичные внутри Я1, являющиеся малоидиоматичными относительно Я2;
- 4) ФС высокоидиоматичные внутри Я1, являющиеся высокоидиоматичными относительно Я2;
- 5) ФС высокоидиоматичные внутри Я1, являющиеся высокоидиоматичными относительно Я2 (в нашем случае среднегреческие сочетания лексем, подвергшиеся импликациям в составе дистрибутивных коммуникативных единиц).

Все исследованные нами примеры фразеосочетаний первого класса демонстрируют параллельные (присущие Я1 и Я2) способы выражения эквивалентных понятий. Такие фразеологические соответствия представляют собой формы буквального перевода.

См. примеры: и **власы постригъ** // и въ мнишьское пощение осудивъся. Амарт, 357, 26—27. — *καὶ τὴν κομὴν ἀποχειράμενος* // *μοναδικὴν ἀσκησιν ὑποκρινόμενος* (В, 535); и в **зоубы глядати** // от нихже оуведати, коликолетенъ се коневи. Амарт, 505, 6—7. — *τούς τε ὀδόντας διασκοπῆσαι*, // *αφ' ὧν ἡ τῶν ἐτων ποσότης διαγινώσκειται τοῦ δε ἵππου θρασυομένου* (В, 5).

Однако встречаются такие сочетания лексем в Я1 и Я2, в которых этой идентичности понятий мы не обнаружили. Ср., например, фразеосочетание в Я1 имеет семантический статус Д1Д1 (**потребити жрътвници**), а в Я2 — Д1Д2 (*καθαίρω βωμου*). Но такое несоответствие не даёт оснований говорить о более высокой идиоматичности в том или ином языке, так как это несоответствие находится на денотативном уровне, поэтому мы относим такие явления в области сочетаемости лексем в Я1 и Я2 к малоидиоматичным сочетаниям.

Случаев несовпадения (кроме одного фразеосочетания — **хранити сънь** — *ταμίαις ὑπνων* (буквально означает: «хранитель сна»)) компонентов и конструкций в исследованных нами коммуникативных единицах не наблюдалось. Мастерство переводчика здесь ощутимо только в одном аспекте: если, например, в Я2 используется сочетание лексем, обозначающее опосредованную экстралингвистическую сущность (Д2), то в Я1 переводчик может передать его значение такими сочетаниями, которые отражают непосредственную внеязыковую реальность (Д1). Ср. пример: (Д1Д2) **συνθλάω ὄπλα** — (Д1Д1) **съкроушити оружие**. Это демонстрирует тонкое языковое чутьё переводчика, хорошо знающего среднегреческий текст. В большинстве случаев мастерство переводчика, к сожалению, мало ощутимо, так как он использует наиболее частое (первое словарное) денотативное значение того или иного компонента фразеосочетания.

Необходимо отметить, что здесь дистрибутивная предикация влияет только на внутриязыковую идиоматичности: служит для эксплицирования денотативных семем. В области межъязыковой идиоматичности дистрибутивная предикация не оказывает никакого влияния на семную структуру анализируемых фразеосочетаний в семантическом статусе Д1Д1, Д1Д2, Д2Д2, так как этот процесс протекает в Я1 и Я2 изолированно друг от друга и они не пересекаются друг с другом. Здесь мы устанавливаем лишь типологическое сходство-различие между сочетаниями лексем.

В Я1 наблюдается широкое семантическое калькирование со среднегреческого прототипа, так называемый «рабский перевод» (Н. А. Мещерский), когда переводчики не находили эквивалент в родном языке, а стремились передать буквальное содержание среднегреческого текста и сочетания лексем в частности. Однако это ни в коем случае нельзя относить к «ущербности»

языка древнерусской письменности XI века: оно, наоборот, свидетельствует о явлении обогащения и накопления фразеологического фонда языка в начальной стадии его развития.

Теперь перейдём к системно-синергетическому аспекту языковой системы византийских и древнерусских переводных памятников письменности.

Нами выдвинуто положение о том, что языковая система обладает синергией, механизм эволюции языка осуществляется при помощи взаимодействия двух источников: наращивающего источника (генерация), обладающего тенденцией к кодификации, формирующей эмическую составляющую языка, и тенденцией диссипации, обладающей тенденцией диффузии и дисперсии, формирующей этическую структуру языковой системы. В переводных памятниках древнерусской письменности наблюдаем «рабское» калькирование со среднегреческих прототипов.

Определяя внутреннюю смысловую сущность древнерусского и среднегреческого текста, мы определили и когнитивные аспекты (знание), выраженные в дистрибутивной коммуникативной единице соответствующими сочетаниями лексем в семантическом статусе Д1Д1, Д1Д2, Д2Д2. Именно в подобных текстах при восприятии той или иной информации о реальной действительности, представляющей собой континуум предметов и вещей, мы можем представить, как ориентировался, жил и действовал средневековый человек.

Определены византийская и древнерусская картина мира, которая выявлена в результате применения как минимум двух исследовательских процедур: а) экспликации Д и объективирования гештальтов средневекового мира, лежащих в основе жизнедеятельности эллина и восточных славян; б) созидания в текстах новых гештальтов мира в семантическом статусе Д1Д2, Д2Д2, которые являются следствиями рефлексии языковой системы.

Языковая картина мира реконструирована на основе анализа лексико-фразеологической подсистемы динамической, нелинейной (дискретной), открытой языковой системы. Человек не просто познает мир, присутствие человека в мире сопряжено с переживанием этого мира. И эта рефлексия является изначальной и предшествует любым рациональным конструкциям, что отражается динамичностью языка. Средневековый автор, по-видимому, осознал, что человек в контексте понимания предстает неоконченной, незавершенной реальностью. Для того чтобы человек мог понимать текст, автор приближает к бинарной конструкции, благодаря которой возникает позиция «понимающего вслушивания» (Мартин Хайдеггер [16]). Такое восприятие текста отражается открытой, нелинейной языковой системой. И только в этом случае человек становится причастным бытию, где он погружается в пространство значений, определяемых бинарной дистрибутивной предикацией. Этот процесс, который отражается в языке, снимает, прежде всего, двусмысленность текста и человеческую реальность делает открытой бытию.

В дистрибутивной коммуникативной единице предикация одна и та же ситуация, которую можно передать с помощью разных языковых форм в зависимости от знаний и реальных возможностей и желаний автора. Возможность выбора выражения для понимания усиливается бинарной предикацией. Содержание такой синтаксической конструкции является важнейшей частью когнитивной семантики (conceptus).

Анализ межъязыковой идиоматичности ФС первого класса позволил выявить следующее. В процессе мыслительных операций интегрирования и комбинирования различных элементов мыслительного содержания было установлено, что во время перевода со среднегреческого прототипа новые предметные (денотативные) связи и отношения составили новые знания в семантическом статусе Д2. И это новое значение, в котором имеется хотя бы одна сема, пересекающаяся с семемой Д1, не существует автономно ни в среднегреческом, ни в древнерусском текстах, оно вплетено синергией языка в уже известное и существует на фоне всей коммуникативной единицы и, в частности, в контексте сочетания лексем.

Анализ межъязыковой идиоматичности фразеосочетаний второго класса позволяет констатировать, что некоторые компоненты фразеосочетаний модели («глагол + существительное») требуют употребления рядом с ними лексем со специфическим, особым значением. Переводы таких фразеосочетаний иллюстрируют высокое мастерство переводчиков Я1 в подборе необходимых эквивалентных лексем, тонкое языковое чутьё.

См., напр.: **ожидати преставления** — αναβάλλεσθαι κοίμησις, **оставити даръ** — αφες (αφίημι) δωρον, **съвръшати оудъ** — αποτελέω αρμονίαν и др.

В Я1 наблюдается широкое семантическое калькирование со среднегреческого прототипа, когда переводчики стремились передать буквальное содержание среднегреческого текста в целом и фразеосочетаний в частности. Этим фактором объясняется появление в Я1 фразеосочетаний с семантическим статусом Д1Д1, Д1Д2, Д2Д2, тогда как среднегреческий текст отражает сочетания лексем с высокой внутриязыковой идиоматичностью, получившие семантический статус К1Д1, К1Д2, К1К1.

См., напр.: **творити правду** — επασκέω δικαιοσύνη, **творити съставление** — τίνω σύστασιν, **дати дары** — παρέχω δωρεας и др.

Такие факты свидетельствуют о явлении обогащения и накопления фразеологического фонда языка в начальный период его развития.

Дистрибутивна предикація здесь протекать параллельно в обоих языках, то есть остается в рамках внутриязыковой идиоматичности: в Я1 служит для эксплицирования денотативных семем, в Я2 служит не только для эксплицирования коннотативных семем, но и для имплицирования денотативных фразеосочетаний, то есть наблюдается процесс перевода денотативных сочетаний в коннотативные. См., например: *иже въ нихъ оумъ извѣстѣе испытавъше // разоумъмъ бжествнымъ обатеша*. Студ, 266, 14—17. — *καὶ τὸν ἐν αὐταῖς νοῦν ἀκριβέστερον ἐρευνήσαντες // γινώσκιν θειοτέραν ἐπλούτησαν* (Ibid., 428). Ср. особенности перевода этого памятника письменности в работе Д. С. Ищенко [7].

Итак, фразеосочетания второго класса межъязыковой идиоматичности не демонстрируют процесс пересечений дистрибутивной предикации между Я1 и Я2.

Теперь обратим внимание на системно-синергетический аспект лексико-фразеологической подсистемы древнерусской и среднегреческой языковой системы.

Семантический сдвиг в компонентах среднегреческого ФС произошёл в результате действия механизма синергии языка — усилением процесса диссипации, хотя наращивающий источник (генерация) языковой системы сумел сдержать этот процесс в рамках кодификации. Внутриязыковая идиоматичность в Я1 остаётся малоидиоматичной по сравнению с ФС Я2, в котором и проявились наиболее ярко и полно семантические сдвиги до степени К1.

Мы считаем, что проблему межъязыковой идиоматичности нужно рассматривать только на эфемерной линии между *conceptus-om* лингвистического знака и психологическими аспектами воображения и ощущения, так как эти аспекты формируют «целостные образы» (гештальты). В нашем отечественном языкознании до сих пор считается аксиомой, что действие смысла сосредоточивается в слове, а образование этого смысла обуславливается контекстом предикации. Так было на Западе в начале XX века и у нас на излёте этого же столетия под влиянием афористических идей Л. Витгенштейна. Сегодня этого оказывается недостаточно без привлечения последних достижений в области естественных и гуманитарных наук.

Идиоматичность нужно рассматривать в структуре синергии (механизм, подобие), в которой и формируется коннотативная семантика. Этот процесс связывается с иконическим аспектом фокуса дискурса. Появление коннотативного значения понимается как отклонение от норм кодифицированного языка, но это такое отклонение, которое не фиксируется ни в одном толковом словаре, потому что семантическая инновация не столько суть семантического сдвига, сколько последствие взаимодействия как минимум двух семантических полей. Такое взаимодействие порождает не только переход от денотативной несогласованности к фигуративному согласованию полей, но и появление обертонов значений, которые становятся эфемерными в контексте другой предикации.

Итак, восприятие (ощущение) и высказывание немислимо без конкретно-исторического контекста и учета особенностей воспринимающего субъекта и составляющего текст автора. Мы понимаем, что рефлексия не является панацеей для осмысления текста и при помощи нее нельзя проникнуть в сущность того или иного явления. Однако возникают пограничные ситуации, когда не приходится рассчитывать на рефлексивные акты, нацеленные на овладение какой-либо идеей, и в этом случае субъект может полагаться только на самого себя. Чтобы устранить эту ситуацию, автор текста прибегает к бинарной предикации, то есть мир можно познать через субъект-объектные отношения с помощью бинарной опредмечивающей рефлексии. Цель такой рефлексии — сделать чужое своим. Это специфическое «знание-усвоение» (Х.-Г. Гадамер [3]). Византийские и древнерусские тексты демонстрируют толкование (интерпретацию) текста и аппликацию (применимость к конкретной исторической ситуации). Только в этом случае истинное явление, заложённое в другом бытии, проявляется в тексте более зримо и рельефно.

Анализ фразеосочетаний третьего класса даёт основание утверждать, что в Я1 один из компонентов сочетания лексем испытывает семантический сдвиг до степени К1, тогда как среднегреческий прототип обозначает непосредственную (или опосредованную — (Д2)) экстралингвистическую сущность (Д1). Отметим, что стала явственнее намечаться тенденция формирования сочетаний лексем, являющихся исконно славянскими по происхождению: некоторые компоненты (в основном глагольные лексем) фразеосочетаний стали требовать употребления рядом с ними лексем со специфическим, особым значением. Переводы таких сочетаний лексем демонстрируют возросшее мастерство древнерусских переводчиков в подборе необходимых эквивалентных лексем, сохраняя при этом структурно-грамматическую основу среднегреческого прототипа. См., напр.: **въздати въздаание** — *ἀναποδίδομι ἀντιπόδομα*, **отметати замыслы** — *ἀποστρέφω βουλας*, **льстити дшоу** — *αυαπάω ψυχήν* и др. Несмотря на формирование исконно славянских сочетаний лексем, в Я1 наблюдается широкое семантическое калькирование со среднегреческого прототипа. См., напр.: **наводити скоколжение** — *επαγω ολίσθου*, **доити въ немощь** — *δύω εἰς ἀδυναμίαν*, **покрыти землю** — *ἐπικαλύπτω γῆν* и др. Дистрибутивная предикация здесь так же, как и в предыдущих классах фразеосочетаний, протекает параллельно в обоих языках, оставаясь в рамках внутриязыковой идиоматичности: в Я1 служит для эксплицирования или имплицирования значений фразеосочетаний, в Я2 — только для эксплицирования денотативных

семем. См., напр.: Феодосии (...) бжствъное крщение приамъ // и въ бесмртъе обновивъся. Амарт, 373, 20—21. — *ὅς πριν τελευτήσῃ το θειον βαπτισμα δεξάμενος, // και εις την αδανασιαν αναγεννηθεις ετελεύτησεν* (B, 562).

Синергия диссипации проявляется в семантическом сдвиге в компонентах фразеосочетаний. В этих сочетаниях появляются новые для древнерусского человека коннотативные значения. При переводе лексем Я2 автор Я1 тщательно подбирает эквиваленты из живого языка, которые в большинстве случаев функционируют в «устойчивых формулах» (В. В. Колесов), но иногда их значения не полностью эквивалентны в тексте Я1. Произошло своеобразное наложение новых значений (здесь мы не обнаруживаем так называемого расширения лексического значения, как это наблюдается в современных языках) в контексте «устойчивых формул», и для эксплицирования новой семантики используется бинарная предикация. Это диктовалось в основном приёмами исихазма. Иначе говоря, автор средневекового текста сумел раздвинуть горизонт текста — поле зрения читателя, охватывающее и обнимающее всё то, что может быть увидено как минимум под двойным углом зрения. Так, в одной части коммуникативной единицы возникает предструктура *понимания*, а во второй и последующей частях предложения возникает ситуация *погружения* читателя в структуру понимания доминирующего смысла текста. Возникает триада: *предрешение, предусмотрение и предвзятие*. Такое положение вещей предполагает включение и понимание человеком новых для него коннотативных значений в Я1. Такая аппликация текста позволяет читателю осознавать более зримо конкретную историческую ситуацию или какую-либо новую метафизическую сущность.

Авторы текстов Я1 и Я2 стремятся не к тому, чтобы изменить мироощущение человека, а к тому, чтобы помочь ему постичь истинное положение вещей, которое заложено в тексте. Этот текст воспринимается как «другое бытие», проявляющееся более отчетливо при дистрибутивной предикации. В итоге авторам текстов Я1 удаётся буквально обуздать диссипативные проявления речевой стихии: определяется изменчивое (калькирование) и сохраняется в структуре «наращивающего источника» (новые коннотативные значения) языковой системы.

Исследуемые фразеосочетания в семантическом статусе D1K1(D2K1), K1K1 подвергаются дистрибутивной предикации в структуре коммуникативных единиц. Части коммуникативных единиц служат для эксплицирования коннотативного значения исследуемых фразеосочетаний.

Все кальки со среднегреческого языка объединяет одна общая особенность: они прибавляют к славянским лексемам добавочные значения, которые переносят их из бытового плана в план более высокий, в сферу философских, культурных, сакральных и мировоззренческих ассоциаций. Эти новые дополнительные семемы становятся коннотативными в отличие от денотативных, — связанных с непосредственной внеязыковой сущностью.

Исследуя семантические и фразеологические кальки с греческого, мы проникаем в коннотативное мышление восточных славян, выясняем, какое великое участие в формировании этого коннотативного мышления приняли идеи и эстетические взгляды, исходившие от византийских хронистов, писателей и богословов. См., напр., глагол **растити**, который имел исконное значение 'разрастать, размножать' (Срезн, III, 89), и приобрёл новое коннотативное значение 'увеличивать, усиливать, приумножать'. Это произошло потому, что он стал употребляться не только с наименованиями каких-либо растений (**трава, смоковие, виноградъ**), но и с абстрактными существительными, как **грехи, желанье**. Не присущая искони предикативу **растити**, сочетаемость заимствована у среднегреческого глагола *αύξω (αύξάνω)*, который, как и славянский **растити**, образован от корня со значением 'рост'. Ср. сочетание нового времени: *Продолжает расти и популярность молодого поэта среди молодежи; В нем росло недовольство собой*. В Я1 круг сочетаемости лексемы **растити** расширился за счёт разнообразных в семантическом отношении лексем, но этот процесс протекал в рамках устойчивых средневековых формул. Современные семантические сдвиги, в отличие от средневековых, происходят совершенно в других условиях: в свободном творческом контексте.

Таким образом, семантическая калька явилась основой для создания, накопления и формирования фразеологического фонда в Я1.

Рассмотрим системно-синергетический аспект языковой системы в Я1 и Я2.

Синергия диссипации проявляется прежде всего в семантическом сдвиге в компонентах фразеосочетаний, и этот процесс прослеживается в текстах Я1 и в оригинальных текстах Я2. Среднегреческие сочетания лексем подверглись семантическому калькированию в Я1, в котором идиоматичность Я2 была сохранена в структуре древнерусских «устойчивых формул». Эти формулы были новыми явлениями для древнерусского человека, поэтому они подверглись дистрибутивной предикации. Возникла своеобразная аппликация текста, благодаря которой древнерусский читатель, по-видимому, и греческий читатель, более зримо мог ощутить, осмыслить и осознать определенную метафизическую сущность описываемых явлений, которые были важными, по мнению авторов, и предикировались в древнейших сакральных и исторических текстах. Кроме того, имплицитное «другое бытие» превращалось в эксплицитное «свое бытие», что отвечало основным требованиям кафолической доктрины.

Анализ межъязыковой идиоматичности фразеосочетаний пятого класса позволяет сделать вывод, что все семантические кальки со среднегреческого языка объединяет одна общая тенденция: они приращивают к славянским лексемам и их сочетаниям в структуре «устойчивых формул» добавочные значения, которые переносят их из «внешнего бытия» в «метафизическое бытие»: в сферу философских, культурных, сакрально-мировоззренческих ассоциаций, что было новым явлением для жителей Киевской Руси. Эти новые дополнительные семемы получены в результате влияния диссипативных процессов (диффузии и дисперсии), когда древнерусский переводчик не только сумел сохранить синтаксическую модель Я2, но и смог эксплицировать имплицитные для древнерусского читателя коннотативные значения лексем и их сочетаний.

Здесь нами проанализированы фразеосочетания, подвергнутые импликации, высокоидиоматичные внутри Я1, являющиеся высокоидиоматичными относительно Я2. Так, члены дистрибутивной коммуникативной единицы, используя имплицитную форму бинарной передачи эквивалентной идеи, преобразуют денотативные семемы одного или обоих компонентов сочетания лексем в семантическом статусе Д1Д1 (Д1Д2, Д2Д2) в коннотативные — К1Д1 (К1Д2, К1К1). См.: **створить сеть** предъ лицемъ искренняго своего, // въ ню впадетъ ногама своими и створяя злое, вввалитъся во нь. Амарт, 190, 2—3. — *ὅς παρασκευάζεται δίκτυον ἐπὶ πρόσωπον τοῦ πλησίον, περιβαλεῖ αὐτο τοῖς εαυτοῦ ποσίν, καὶ ὁ ποῖων πονηρὸν εἰς αὐτο ἐγκυλισθήσεται* (Б, 272).

В Я2 коммуникативная единица подвергается дистрибутивной предикации: части предложения, используя имплицитную форму повторной передачи эквивалентной семантики 'замышлять что-либо против кого-либо', преобразуют денотативное значение сочетания Я2 в коннотативное, получившее семантический статус К1К1. Переводчик смог сохранить структурно-синтаксическую модель Я2 и перенёс в Я1 коннотативное значение среднегреческого оригинала.

1. Амарт — *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе / В. М. Истрин. — Петроград, 1922. — Т. II.
2. Б — *Boor de Carolus.* Georgii monachi chronicon / Boor de Carolus. — Lipsiae, 1904.
3. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. — М., 1988. — С. 317—548.
4. ДРС — *Древнегреческо-русский словарь* / [сост. И. Х. Дворецкий]. — М., 1958. — Т. I—II.
5. И. 1076. — *Изборник 1076 года* / Изд. подг. В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровина. — М., 1965.
6. Иуд — *Мещерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе / Н. А. Мещерский. — М.—Л., 1958.
7. *Ищенко Д. С.* Лексические особенности трех редакций славянского перевода поучений Феодора Студита / Д. С. Ищенко // *Слов'янський збірник: Зб. наук. праць.* — Одеса, 2005. — Вип. XI. — С. 12—16.
8. *Каиржанов А. К.* Семантико-стилистическая симметризация фразеологии в переводных памятниках письменности XI века: (на материале греческих и древнеславянских фразеосочетаний) / А. К. Каиржанов // *Проблемы сопоставительной типологии иностранных и родного языков.* — Алма-Ата, 1989.
9. *Комиссаров В. Н.* Перевод и интерпретация // *Тетради переводчика* / Под. ред. Л. С. Бархударова. — М., 1982. — Вып. 19.
10. *Копыленко М. М.* Исследование в области славянской фразеологии древнейшей поры: Дисс. ... д-ра филол. наук / М. М. Копыленко. — Л., 1967.
11. *Копыленко М. М.* Сочетаемость лексем в русском языке / М. М. Копыленко. — М., 1973.
12. *Ревзин И. И.* Основы общего и машинного перевода / И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. — М., 1964.
13. *Русско-казахский фразеологический словарь.* — 2-е изд., доп. и испр. / Под ред. М. Б. Балакаева, С. К. Кенесбаева, М. М. Копыленко. — Алма-Ата, 1989. — С. 24.
14. Студ — *Житие Феодора Студита* // *Выголексинский сборник* / Изд. подг. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Гольшенко. — М., 1977. — С. 134—409.
15. Син пс — *Северьянов С.* Синайская псалтырь: Глаголический памятник XI века / С. Северьянов. — Петроград, 1922.
16. *Хайдеггер М.* Бытие и время / М. Хайдеггер. — М., 1977.

A. K. Kairzhanov

PECULIARITIES OF THE OLD RUSSIAN TRANSLATION OF «CHRONICLE» BY GEORGE AMARTOL AND «HISTORY OF JUDAIC WAR» BY JOSEPH FLAVIY

The article deals with the problem of interlanguage idiomatic features of L1 to L2 in the field of phraseological combinations.

Key words: interlanguage idiomatic, linguacinegy, dessorpacia, cinegy, distribucia, concept, translation, Medieval Greece and Old Russian.

A. K. Каїржанов

ОСОБЛИВОСТІ ДАВНЬОРУСЬКОГО ПЕРЕКЛАДУ «ХРОНІКИ» ГЕОРГІЯ АМАРТОЛА Й «ІСТОРІЇ ЮДЕЙСЬКОЇ ВІЙНИ» ЙОСИПА ФЛАВІЯ

У статті розглядаються проблеми міжмовної ідіоматичності мови М1 по відношенню до мови М2 у галузі словосполучень.

Ключові слова: міжмовна ідіоматичність, лінгвосинергетика, дисипація, синергія, дистрибуція, концепт.